

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ЧИТАТЕЛЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Введение. Восприятие поэзии - сложный психический процесс, особенности которого обусловлены множеством факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Успешное восприятие поэтической коммуникативной ситуации обусловлено, во-первых, определенным уровнем языковой (в том числе и поэтической) компетенции читателя; во-вторых, такими свойствами воспринимающего сознания, как интенциональность, рефлексивность и избирательность. Образное мышление и воображение читателя направлено на осмысление и интерпретацию поэтического текста, причём его смысловое восприятие мотивировано желанием познать мир в его творческом выражении и получить эстетическое удовлетворение.

Обязательным условием полноценного восприятия поэтического текста является достаточный уровень поэтической компетенции, т.е. знание возможных ролей в коммуникации, владение первичными и вторичными речевыми поэтическими жанрами и соответствующими им речевыми тактиками и речевыми стратегиями. Отношение читателя к поэтическим текстам нередко достаточно противоречиво, оно меняется и с течением времени, и под влиянием жизненных обстоятельств. Успех поэтической коммуникации может быть обусловлен языковым и культурным статусом читателя, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности. Нечасто в руках исследователя оказывается достаточно материала для анализа специфических характеристик читателя поэтических текстов как языковой личности. Если основные характеристики поэта как субъекта дискурсивного смыслообразования отображены в поэтических текстах, то читатель представлен в текстах (поэтических, прозаических, публицистических, эпистолярных) фрагментарно. Однако текстовый материал, связанный с творчеством Л.Н. Толстого (художественные произведения писателя, его письма, воспоминания современников), не только дает возможность определить роль поэзии в картине мира писателя, но позволяет продемонстрировать, насколько сложной может быть деятельность индивидуального сознания (в нашем случае сознания Л.Н. Толстого) по отношению к поэзии.

1. Языковая личность - поэтический текст.

Несмотря на достаточно активное использование понятие «языковая личность» в лингвистической поэтике остаётся размытым. Одним из путей

истолкования его сущности может служить рассмотрение природы данного феномена сквозь призму языкового/речевого сознания коммуникантов - автора и читателя.

А. Сознание языковой личности поэта, моделируя субъективный образ мира, решается в семантике поэтического знака. По Л.С. Выготскому, «сознание отражает себя в слове как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания». Более того, «мысль не воплощается, а совершается в слове» [Выготский, 1982, 361]. Поэтому становится понятным, почему рассмотрение проблемы сознания языковой личности поэта невозможно без анализа одной из его главных составляющих - поэтического слова. По А.А. Леонтьеву, значение существует для субъекта в двойственном виде: с одной стороны, это *объект* сознания, с другой - *способ* и *механизм* осознания... Они (значения) входят в систему общественного сознания, являются социальными явлениями (и в этом качестве, прежде всего, изучаются лингвистикой); но одновременно они входят в систему личности и деятельности конкретных субъектов, являются частью индивидуального сознания (и в этом качестве изучаются психологией)» [Леонтьев, 1983, 8-9]. Значению в поэтической речи противостоит личностный смысл как мотивированное отношение к обозначаемому. Такое противопоставление, а точнее говоря, разграничение понятий «значение» и «смысл» было впервые введено Л.С. Выготским и сегодня является основой когнитивной поэтики (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Юм и др.).

Если под значением слова принято понимать объективно сложившаяся система связей, одинаковая для всех носителей языка, то под смыслом — индивидуальное значение поэтического слова, выхваченное из этой устоявшейся системы связей [Алефиренко, 2005(а), 69]. Вместо них в поэтическом тексте оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данной ситуации. Поэтому поэтический смысл - результат привнесения в слово коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемого предмета. Одно и то же поэтическое слово имеет два значения: (а) сформировавшееся в этноязыковом сознании исторически, и (б) которое *потенциально* сохраняется (возможно, в разном объеме и ракурсе у поэта и читателя), отражая с различной полнотой и глубиной «возможные миры». Наряду со значением каждое поэтическое слово приобретает смысл, актуализирующий в этом значении те стороны, которые связаны с данной ситуацией и аффективным отношением к ней поэта. Однако понятие смысла поэтического слова, как нам представляется, не может быть сведено к различию потенциального (денотативного) и актуального (коннотативного) значений. Смысл поэтического слова возникает в процессе речемыслительной деятельности поэта и читателя в

конкретный отрезок времени и в конкретной дискурсивной ситуации: различные типы контекстов и дискурсивная ситуация - условия обнаружения нужного смысла поэтического слова. Обычное слово в «ассоциативно-семантической сети» [см.: Болотнова, 2006, 451] поэтического дискурса обогащается особыми экспрессивно-смысловыми свойствами. Превращение беспристрастного знака в поэтический и сотворение в процессе такой метаморфозы индивидуального смысла художественного слова осуществляется благодаря его чувственному *переживанию*. Чувственная ткань образа, по теории Ф.Е. Василюка, - это многомерная субстанция. Чтобы понять и описать её создается *модель образа сознания*, согласно которой (1) внешний мир являет предметное содержание, (2) внутренний мир - личностный смысл, (3) культура - значение, (4) а язык - слово. Вместе все эти составляющие (синергетические «узлы») задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ сознания языковой личности. Образ сознания языковой личности многомерен. Существует пять синергетических измерений, четыре из которых (значение, предмет, личностный смысл, знак) являются своего рода магнитными полюсами образа сознания языковой личности. «В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться по преимуществу к одному из этих полюсов, и возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создается особый тип образа» [Василюк, 1984, 18]. Пятое измерение - чувственная ткань, особая внутренняя «составляющая» образа сознания языковой личности поэта.

Высказанные здесь суждения позволяют определить категориальные свойства понятия «языковое сознание поэта». Прежде всего, его нельзя ни сводить к совокупности речевых умений поэта и его знания языка, ни к отрицанию их взаимосвязи. «Языковое сознание поэта» скорее сближается с пониманием «образа мира». Поэтому языковое сознание поэта является сложным феноменом. Во-первых, это вербальное средство формирования, хранения и переработки информации, получаемой поэтом извне. Во-вторых, это структура, кодирующая полученную информацию языковыми знаками косвенно-производной номинации вместе с выражаемым! ими переживаниями, субъективными значениями (смыслами), правилами их сочетания и употребления. Все это выражает отношение автора поэтического текста к действительности, своеобразие его мировосприятия и эстетические установки на речевое творчество. Языковое сознание поэта ни онтологически, ни функционально не может быть замкнутой структурой. Оно связано с языковыми сознаниями читателей. Если рассуждать психосемантическими категориями, то языковое сознание функционирует благодаря общей нейронной сети. С этой точки зрения, языковое сознание - явление

кооперативное. Однако поэт как личность творческая обладает еще и уникальным с в е р х с о з н а н и е м - творческой интуицией, или вдохновением, благодаря которому сигнал

85

извне может вызывать взрывоподобный эффект цепных реакций и соединять вход нейронной сети буквально со всей информацией, уже хранящейся в мозге. Причем сверхсознание не контролируется сознанием. Сознание лишь осуществляет окончательный отбор и категоризацию вновь полученной информации, которая может использоваться им на уровне п о д с о з н а н и я - набора программ поведения, усвоенных в процессе культурной социализации. Здесь они окончательно усваиваются, автоматизируются и становятся навыками. При наличии связи между нейронными сетями, находящимися в критическом состоянии, появляется возможность передавать информацию из любой части такой нейронной сети. Таким механизмом является, прежде всего, естественный язык.

Когнитивно-синергетическая энергия поэтического текста, как показывает анализ, исходит от двуединого лингвокреативного процесса - его порождения и восприятия. Данное утверждение основывается на том, что, во-первых, в их основе лежит единый универсальный механизм текстовой деятельности, во-вторых, своеобразие поэтического мышления, изначально определяясь особым восприятием объекта действительности, затем испытывает потребность в его ассоциативно-образном выражении, типичным средством которого, как известно, служит поэтический текст. Без образного восприятия мира и моделирования поэтической картины мира невозможно ни п о р о ж д е н и е поэтического текста автором -живой формы существования языковой личности *поэта*, ни в о с п р и я т и е текста - формы воплощения языковой личности *читателя*.

Б. Читателя, который испытывает духовную необходимость, потребность в поэзии, можно назвать *Ното роетичес* — человеком поэтическим. Особое, личностное отношение к поэтическому творчеству, отличающее читателя *Ното роетичес*, зафиксировано в устойчивых оборотах *любить поэзию, любимый поэт, любимое стихотворение*. Можно ли считать Толстого читателем *Ното роетичес* — читателем, испытывающем духовную потребность в поэзии, читателем, для которого обращение к ней является необходимостью?

Текстовый материал показал, что **на вербально-семантическом уровне** отношение писателя к поэтическому творчеству определяет высказывание, неизменно включающееся в любые рассуждения об отношении Толстого к поэзии. Оно звучит так: «Лев Николаевич не любит стихов». Это высказывание встречается как в письмах Толстого, так и во многих воспоминаниях о последних годах его жизни (Ср. Гусев, Малахиева-Мирович, Булгаков, Сухотина-Толстая и т.д.).

Что должна обозначать эта фраза для адресата, то есть для собеседников Толстого и для нас, современных читателей? Ее смысл определяется диспозициональным предикатом (Арутюнова) *любить*, который Т.В. Булыгина включила в число предикатов свойств (привычек,

86

умений, рода занятий). Эти предикаты не могут обозначать «однократных ситуаций, ни серию повторяющихся отдельных «случаев» <...>, они обладают (подобно именным предикатам «качества») признаком неквантифицируемости» [Булыгина, 1982, 56] и абстрагированы от непосредственного протекания во времени.

Итак, в последние годы жизни Л.Н. Толстой неоднократно дает понять читателю, что испытывает стойкое и постоянное чувство к стихам, и это чувство - нелюбовь.

На прагматическом уровне использование предиката отрицательной диспозиции (*не люблю*) по отношению к поэзии в речи Толстого обусловлено коммуникативной целью - рекомендацией или предостережением. В частности, рукописи начинающих поэтов чаще всего сопровождаются примерно таким кратким уведомлением от имени Толстого: «*Лев Николаевич не любит стихов и не советует заниматься таким пустым делом*». Толстой неоднократно обосновывает подобное отношение к поэзии - он определяет поэтическую речь как речь неестественную и считает, что поэтическая форма мешает выражению содержания. Она, по мнению Л.Н. Толстого сковывает движение мысли. Ср.: «Писать стихами - это то же, что ходить со связанными ногами» [Абрикосов, 1948, 405]; «Писать стихи - это всё равно, что пахать и за сохой танцовать. Это прямое неуважение к слову» [Гудзий 1929, 192]. В письме к Я.П. Полонскому писатель сам подчеркивает, что его отношение к поэзии обусловлено определенными соображениями, которыми он должен и хочет поделиться с читателями: «Правда, что я иначе смотрю на стихи, чем как я смотрел прежде и как смотрят вообще; но я умею смотреть попрежнему. Мне давно уже хочется высказать пояснее и покороче, почему я смотрю иначе на искусство вообще, чем большинство, и почему не могу смотреть иначе, и теперь даже занят отчасти этим предметом» [Толстой, 1948, 218]. Эти соображения определяются причинами идеологического характера и связаны с мироощущением писателя в последние годы жизни, которое может быть сформулировано с помощью слов Толстого - «Произведение искусства должно тронуть меня, а чтобы тронуть меня, оно должно прежде всего быть понятно» [Толстой 1939, 63]. Рационалистическое отношение к искусству не мирится у него с условностью и неизбежной деланностью стихотворной формы.

Сознательные установки, которые обусловили речевое поведение Л.Н. Толстого по отношению к поэзии, объясняются прагматическими намерениями автора- он должен убедить собеседников, что он не любит стихов, и посоветовать им не заниматься сочинительством.

2. Сознательные установки и «свидетельства» когнитивных структур

Отражают ли эти сознательные установки действительное отношение Л.Н. Толстого к поэзии? Что значит *не люблю* для самого писателя?

87

Вспомним рассуждение Н.Д. Арутюновой, которая, анализируя употребление глагола *любить*, отмечает, что вкусовые диспозиции связаны с сенсорными впечатлениями. Когда человек говорит, что «не любит смородину, то вероятней всего, он ее не ест» [Арутюнова 1988; 86]. Аналогично - если человек *не любит стихи*, он ими *не интересуется*, а соответственно, *не знает*, поэтому можно предположить, что стихи, поэзия не играют никакой роли в иерархии смыслов и ценностей в толстовской картине мира, в его тезаурусе. Правда, уже при поверхностном анализе текстов обращает внимание противоречие между внутренней категоричностью предиката отрицательной диспозиции *не люблю (стихов)* и следующим за ним предложением *кроме*, эту категоричность устранивающим. Ср. типичный пример: ...Толстой на вопрос своей собеседницы: «вы не любите стихов?» ответил: «Нет, *кроме* самых больших талантов, как Пушкин, Тютчев. У Пушкина не чувствуешь стиха» [Гудзий, 1929, 192]. Более тщательный анализ текстового материала показывает, что данная сознательная установка «на нелюбовь» не совпадает с языковыми свидетельствами о поведении когнитивных структур Л.Н. Толстого (памяти, восприятия, мнений и знаний) по отношению к поэтической речи. Так, *память* писателя хранит положительные ощущения, связанные с восприятием поэзии:

1. Воспоминание о первом чтении «Евгения Онегина».

«Помню, — говорил Л. Н <...> он мне принес „Евгения Онегина“. Была чудная тихая душистая ночь. Я лег в постель и стал читать. Когда я кончил „Евгения Онегина“, было совсем светло. Я начал снова все сначала и прочел еще раз несколько песней. Это *впечатление было так сильно*, что я его никогда *забыть не мог*» [Сухотин, 1961, 190].

2. Воспоминание о знакомстве с поэтическим текстом Некрасова.

- Я помню, - я раз зашел к нему вечером <...> и он тогда написал стихотворение «Замолкни, муза мести и печали», и я сразу *запомнил его наизусть*.

Когда в тот же день в Ясной Поляне опять зашел разговор о Некрасове, Толстой с серьезным лицом, устремив глаза вдаль, несколько торжественным и скорбным тоном продекламировал начало *так понравившегося ему за 52 года до этого* стихотворения Некрасова:

«Замолкни, муза мести и печали!

Я сон чужой тревожить не хочу.

Довольно мы с тобою проклинали,

Один я умираю и молчу» [Гусев, 1957, 14].

3. Воспоминание о чтении поэм Пушкина:

«В следующие дни чтение Пушкина продолжалось. Из поэм Пушкина «Цыганы» показались Толстому *«прелестны, как и в первый раз» (то есть при первом чтении)*» [Гусев, 1957, 14].

88

4. «Воспоминание молодых впечатлений» о поэзии:

«Я не люблю стихов вообще. Трогают меня, думаю -преимущественно - как *воспоминания молодых впечатлений, некоторые, и то только самые совершенные, стихотворения Пушкина и Тютчева*» [Гудзий, 1929, 192].

Толстой демонстрирует прекрасное *знание* поэзии. Концепт «Поэзия» представлен в его творчестве как сложное многоструктурное образование, в которое включаются:

1. Знания о поэтах и их творчестве. В текстах Л.Н.Толстого упоминаются и поэты начала века (Пушкин, Лермонтов и др.), и поэты-современники, как русские (Некрасов, Тютчев, Фет, Бальмонт, Брюсов, Белый и др.), так и иностранные (Бодлер, Верлен, Малларме и др.). Писатель обладает высоким уровнем дискурсивной компетенции: на протяжении жизни он неоднократно дает оценку отдельным поэтическим текстам и поэзии в целом, причем отношение его к поэзии не остается неизменным. Он тщательно изучает творчество интересующих его поэтов. Так, в Толстовском музее хранится экземпляр издания «Стихотворений Ф.И.Тютчева» (М., 1886) с условными отметками Толстого. Против стихотворения «И гроб опущен уж в могилу» - стоят буквы Т. К.: против второго стихотворения («Silentium!») - Г. Буква «Г» означает Тютчев, т. е. мысль и форма, свойственные одному Тютчеву: «К» - красота: «Г» -глубина [Алексеев, 1948].

2. Знание метаязыка поэзии. которое позволяет писателю аргументировано анализировать поэтические тексты. Ср. из письма Святополку-Мирскому Д.И.: «Стихотворение ваше поразило меня: оно полно *содержания* поэтически-философского или религиозного и прекрасного (на мой вкус) поэтому

содержания, - но оно невозможно по своей *форме*: нет *размера*, не соблюдены *правила стихосложения*, нет даже *чувства красоты языка*» [Толстой, 1938, 65-66].

3. Знание основ стихосложения. Ярким свидетельством этого является, во-первых, описание самостоятельных поэтических опытов в автобиографической повести «Детство» (глава «Стихи»), так и несколько сохранившихся стихотворных набросков, автором которых является Лев Николаевич.

4. Знание прецедентных поэтических текстов, которые встречаются как в художественных произведениях, так и в дневниках Толстого. Употребление прецедентных текстов в дневниковых записях передает определенное эмоциональное состояние писателя и свидетельствует о том, что именно поэтические строки необходимы ему для передачи этого состояния. Ср. в дневниках видоизмененные цитаты из Лермонтова: *Грустно, грустно, и не от неудовлетворенности внешней. Ничего от жизни не хочу я, и не жаль мне прошлого ничуть* [Толстой, 1938, 19-22] и Тютчева: *Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее,*

89

гармоничнее этого счастья. И ринься бодрый, самовластный В сей животворный океан — Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки [Цит. по Гудзий 1929,203].

Настроение поэтического текста может ощущаться писателем как собственное. Так, во введении к своим «Воспоминаниям детства» Толстой сообщает, что замысел воспоминаний о своей жизни совпал у него с болезнью. «И во время невольной праздности болезни <...> мысль моя всё время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание». Далее приводится целиком вся первая половина стихотворения, кончая словами: «Но строк печальных не смываю», и затем следует оговорка: «В последней строке я только изменил бы так: вместо: строк печальных... поставил бы: строк постыдных не смываю» [Гудзий, 1929,197].

Противоречивы **и мнения** писателя о поэзии.

Приведенная выше оценка стихов, среди которых и категорические высказывания о поэзии как о неуважении к слову (в одном из писем он называет стихи умственным развратом) абсолютно не совпадает с теми предикатами аффективного значения, которые употребляет Л.Н. Толстой по отношению к отдельным поэтическим текстам или к творчеству отдельных поэтов. Чаще всего это глаголы *восхищался, восторгался*. Ср.: Толстой **в восторге** от **«превосходного»** стихотворения, посвященного памяти А.Л. Брежневской. «**Это вполне прекрасно** - пишет он. - Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: в нем слишком много слез, **то** и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться»...«Лев Николаевич ...прочел вслух стихотворение Алексея Толстого, тогда запрещенное цензурой - «Сон Попова». Читал стихи он очень просто и как-то удивительно понятно, вразумительно. Читая, смеялся до слез, так что читал с трудом. Несколько раз и после в Ясной он читал при мне «Сон Попова» и всегда *восторгался* этой вещью и читал ее со смехом и слезами».

Как вспоминают современники, при восприятии поэтических текстов эмоциональное переживание Л.Н. Толстого могло достичь степени катарсиса (душевного потрясения). Ср.: *Лев Николаевич сказал: «...Вот л счастлив, что нашел истинное произведение искусства. Я не могу читать без слез. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу»... Лев Николаевич прочел тютчевское «Сумерки» тихим, прерывающимся голосом, почти шепотом, задыхаясь и обливаясь слезами...»* [Гольденвейзер, 1959, 56-57].

Таким образом, по отношению к поэзии очень ярко выражена избирательность мышления Л.Н. Толстого. Сознательные установки на неприятие поэтического творчества вступают в противоречие с языковыми

90

свидетельствами когнитивных структур (памяти, знаний, мнений и восприятия), которые доказывают, что Л.Н. Толстого можно назвать читателем *Ното poeticus*, т.е. человеком, который испытывал необходимость в чтении поэтических текстов, который прекрасно знал поэзию и который получал эстетическое удовлетворение от чтения поэтических текстов.

Литература

Абрикосов, Х.Н. Двенадцать лет около Толстого: (Воспоминания)/ Х.Н. Абрикосов // Л.Н.Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828-1948). - М.: Гос. лит. музей, 1948. - Т. II. - С. 377-46.'!

Алефиренко, **Н.Ф.** Поэтическая картина мира и ее **отражение** в языковом знаке / Н.Ф. Алефиренко // Художественный текст и языковая личность. - Томск, 2005. - С. 67-72.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко - М. «Гнозис», 2005(а). - 326 с.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие Факт / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988.

Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова -Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. - 631 с.

Булгаков, В. Лев Толстой в последний год его жизни/ В. Булгаков. - М.

- Булыгина, Т.В. К построению теории предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. - М., 1982.
- Василюк, В.Е. Психология переживания / В.Е. Василюк. Москва, 1984. - 372 с.
- Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр соч : В 6 т.-М., 1982. Т. 2.-415 с.
- Гольденвейзер, А.Б. Вблизи Толстого / А.Б. Гольденвейзер - М-Гослитиздат, 1959.
- Гудзий, Н. Толстой о русской литературе / Н. Гудзий // Эстетика Льва Толстого: Сборник статей. - М.: Гос. акад. худож. наук, 1929. - С. 185-239.
- Леонтьев, А.А. Формы существования значения / А.А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы семантики. - М., 1983. - С. 5-20.
- Л.Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828—1948) / Коммент и ред. Н.Н. Гусева. - М.: Гос. лит. музей, 1948. - Т. II. - С. 218.
- Малахиева-Мирович, В.Г. «В Ясной Поляне». Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом / В. Г. Малахиева-Мирович. - М., 1911.
- Сухотин, М. С. Из дневника / М. С. Сухотин // Лев Толстой: В 2 кн -М.: Изд-во АН СССР, 1961. - Кн. 2. - С. 148—224.
- Сухотина-Толстая, Т. Друзья и гости Ясной Поляны / Т. Сухотина-Толстая. - М., 1923.